ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.15
УДК 338.2
JEL O2, O23, O3, O32, O38, O5, P5

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Технологический суверенитет: уроки советской научно-технической политики и рыночные альтернативы[1]

Леонид И. ЦЕДИЛИН ✉
Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Цедилин, Л. И. (2026). Технологический суверенитет: уроки советской научно-технической политики и рыночные альтернативы. *AlterEconomics, 23*(3), 827–844. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.15

Аннотация. Широкое обсуждение проблем технологического суверенитета России актуализирует вопрос об экономической эффективности такой политики. Целью статьи является раскрытие противоречия между политикой технологического суверенитета как самоцели и рыночными механизмами функционирования отечественного бизнеса. От советского периода современная технологическая политика унаследовала ориентацию на получение преимуществ в системном соревновании, прежде всего за счёт достижения наивысших технологических результатов, однако, как правило, такую ориентацию не удаётся сочетать с обеспечением коммерческого успеха инноваций. Выделенные на НИОКР и их реализацию бюджетные средства нередко осваиваются без учета реальной окупаемости. Требование сочетания достижения технологического самообеспечения производства и коммерческой рентабельности инноваций представляется практически невыполнимым, поскольку отечественным предпринимателям приходится сталкиваться с серьезными ограничениями, связанными как с приспособлением к режиму санкций, так и с внутренними требованиями к обеспечению независимости от внешнего влияния. В статье отмечается положительный опыт коммерчески успешного импортозамещения высокотехнологичных продуктов, при котором удаётся не только окупать затраты, но и получать прибыль от реализации проектов, и к тому же не требующего привлечения бюджетных средств (лекарственные препараты-дженерики, китайский автопром). Обеспечение технологического суверенитета рассматривается в контексте проведения Россией активной промышленной политики с использованием соответствующего инструментария. На основе анализа промышленной политики, ориентированной на обеспечение высокого уровня технологического развития и стабильного роста, сформулированы рекомендации и обоснована важность так называемой горизонтальной промышленной политики для обеспечения технологического лидерства в ключевых секторах.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, санкционный режим, бюджетное финансирование, роль государства, системное соревнование, тиражирование достижений, промышленная политика, горизонтальная и секторальная промышленная политика

[1] Цедилин Л. И. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Technological Sovereignty: State Support, Market Mechanisms, and Industrial Policy

Leonid I. TSEDILIN ✉
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Tsedilin, L. I. (2026). Technological Sovereignty: State Support, Market Mechanisms, and Industrial Policy. *AlterEconomics, 23*(3), 827–844. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.15

Abstract. Technological sovereignty is a central objective of contemporary science and economic policy. Russian scholarship has largely favoured state-led approaches rooted in Soviet-era institutions and public funding, with less attention to market mechanisms. Contemporary science and technology policy retains a Soviet-era emphasis on technological performance and systemic competition, but this focus has not always been matched by sufficient attention to commercial viability. Public funds allocated to R&D and subsequent stages of technological development are often committed without adequate mechanisms for ensuring economic returns on investment. Such approaches may also encourage firms to rely on long-term state support rather than develop commercially sustainable products and technologies. From an economic perspective, an import-substitution project can be considered successful when the resulting product is not only comparable to its imported counterpart in terms of consumer characteristics, but also competitive in terms of its price–quality ratio. In practice, achieving this objective is challenging, as firms must navigate the constraints imposed by sanctions while reducing dependence on external suppliers and technologies. Nevertheless, some industries have demonstrated that import substitution can be commercially viable, as illustrated by generic pharmaceuticals and China's automotive industry. However, some industries have demonstrated commercially viable approaches to technological import substitution, including generic pharmaceuticals and China's automotive industry. These cases demonstrate that technological products can, under certain conditions, achieve both cost recovery and profitability without relying exclusively on budgetary financing. Technological sovereignty can also be pursued through an active industrial policy employing a broader range of policy instruments. Against this background, the article examines industrial-policy approaches that promote technological development and sustainable economic growth. Particular attention is given to horizontal industrial policy and its role in supporting technological advancement and competitiveness across strategically important sectors.

Keywords: technological sovereignty, import substitution, industrial policy, sanctions, state support, public financing, systemic competition, horizontal industrial policy, sectoral industrial policy

1. Введение

С середины 2022 г., со времени провозглашения курса на обеспечение технологического суверенитета прошло несколько лет. За этот период уточнялись и конкретизировались поставленные на высшем уровне цели и задачи в данной сфере исследований и материального производства. Изначально ставилась задача сохранения независимости в технико-технологической сфере, чтобы не сделать шаг назад с уходом западных компаний и не потерять привычные вещи, поскольку «нам никогда не дадут критически важных технологий»[1].

В дальнейшем понятие «критически важные технологии» уточнялось, подчеркивалась задача не столько сохранения, сколько обеспечения суверенитета, причем именно технологического, под которым со всей определенностью уже подразумевалась не только независимость в проведении НИОКР, но и наличие полноценных технологических цепочек. При всей определенности в части того,

[1] Деловой Петербург. (2022, 17 июня). *Путин призвал развивать технологический суверенитет России*. [Электронный ресурс]. https://www.dp.ru/a/2022/06/17/Putin_prizval_razvivat_t (дата обращения: 11.05.2026).

что нужно делать, отсутствует, однако, достаточно конкретное понимание того, какой ценой достигается выполнение поставленных задач, в первую очередь обеспечение технологической независимости. Насколько правомерно в этой сфере сопоставление затрат и результатов в стоимостном выражении? Возможно ли импортозамещение на основе не только государственной поддержки, но и использования рыночных механизмов? Отдельно взятое исследование вряд ли может дать исчерпывающие ответы на подобные вопросы из области экономического анализа. Цель настоящей работы, однако, заключается, скорее, в привлечении внимания именно к экономической проблематике, возникающей в связи с вызовами технологической конкуренции.

Экономические аспекты достижения технологического суверенитета рассматриваются в исследованиях целого ряда отечественных авторов (Афанасьев, 2023; Капогузов, Шерешева, 2024; Полтерович, 2022 и др.). Вместе с тем тема непосредственного сопоставления затрат и результатов при разных подходах к решению проблемы обеспечения технологической независимости остается, как представляется, по-прежнему актуальной.

2. Преемственность в области технологической политики — зависимость от траектории прошлого развития

Российские исследователи, «погруженные» в тематику научно-технического прогресса и его роли в экономической стратегии страны, считают, что «прежде всего экономическая политика государства должна быть направлена на обеспечение технологического суверенитета страны и опираться на разработку и освоение прорывных технологий, на активизацию инновационной деятельности, которые позволят повышать конкурентоспособность российской экономики, завоевывать новые формирующиеся рынки, полномасштабно и системно решать задачи социально-экономического развития, повышая благосостояние и качество жизни населения» (Ленчук, Филатов, 2023, с. 21). Соответственно, решение столь масштабных государственных задач предполагает использование механизмов государственного управления, в первую очередь государственного планирования и программирования с привлечением масштабного государственного (бюджетного) финансирования. По существу, предлагается опора на прежний опыт проведения научно-технической политики, предполагающий использование инструментов государственного (стратегического) планирования в целях обеспечения стабильности развития и элиминирования неопределенности в условиях возрастания внешних угроз (Ленчук, Филатов, 2023; Ленчук, 2024).

Как и во времена СССР, в настоящее время при осуществлении структурной перестройки экономики наукоемкие производства и современные технологические платформы призваны обеспечить высокую динамику общественного развития во всех сферах. В советский период научно-технический прогресс также рассматривался как главный фактор развития производительных сил и построения материально-технической базы нового общества. В Программе Коммунистической партии Советского Союза было закреплено фундаментальное положение о роли науки в современном обществе, согласно которому наука становится непосредственной производительной силой (идею, как считается, высказал и обосновал еще К. Маркс, поставивший вопрос о переходе от «предыстории человечества», где «общественные силы, подобно силам природы», действовали

«слепо, насильственно, разрушительно», к «подлинной истории» человечества, которая и есть коммунизм)[1].

Политэкономическое определение науки как главной производительной силы легло в основу разрабатываемой на протяжении более чем десятилетия и активно продвигаемой в поздний советский период Комплексной программы научно-технического прогресса СССР (КП НТП), представлявшей собой в методологическом отношении синтез отработанной в прошлом практики государственного планирования и передовых методов программирования, моделирования и прогнозирования. Горизонт сценариев, которые рассматривались в рамках программы, составлял 20 лет, количественные оценки и задаваемые показатели определялись в разбивке по пятилеткам. Всего были сформированы четыре редакции программы: от 1973, 1978, 1983 и от 1988 гг. КП НТП была призвана обеспечить взаимосвязь между наукой (в основном НИИ) и органами центрального управления (Госплан, министерства и ведомства), предоставляя последним научное обоснование долгосрочных ориентиров. Программа состояла из шести блоков (сводных разделов): «Задачи научно-технического прогресса в долгосрочной перспективе», «Основные направления научно-технического прогресса», «Развитие науки», «Подготовка кадров и развитие системы образования», «Экономические и организационные условия ускорения научно-технического прогресса» и «Социально-экономические последствия научно-технического прогресса». КП НТП так и не была реализована; однако цели, поставленные в ряде разделов, были в последующем достигнуты, например, в части выполнения продовольственной программы. Замещение масштабного импорта продовольствия отечественным производством произошло уже после замены планового хозяйства рыночными механизмами.

Использование советского опыта в области государственного планирования и программирования в целях выполнения вновь поставленных верховной властью технико-технологических задач, можно, видимо, объяснить инерционностью институционального развития (*path dependency*). О зависимости такого рода речь заходит в случае, если институциональные рамки прошлого остаются значимыми и ограничивают выбор вариантов в настоящем и будущем[2].

Аргументацию в пользу использования прошлого опыта, в частности опыта планирования, подкрепляют тезисом о минимизации и устранении факторов неопределенности в научно-техническом развитии. Однако, как представляется, элиминирование фактора неопределенности за счет расширения горизонта планирования и программирования и обеспечения долговременного централизованного финансирования предполагает игнорирование рисков «предопределенности»: выделяемые центром средства нацелены на приоритетное развитие определенных направлений, выбор которых нередко обусловлен авторитетом и близостью к власти конкретных интересантов, лоббирующих проект. Такая предопределенность и в прошлом, и в настоящем нередко оборачивается серьезными народнохозяйственными потерями. Возможен выбор направлений с переоцененной экономической значимостью и, соответственно, выделение государственных средств, требуемых для реализации принятых решений. Можно

[1] Субетто, А. И. (2008, 03 мая). Исторический прогноз К. Маркса о науке как производительной силе социального прогресса. *Коммунистическая партия Российской Федерации*. [Электронный ресурс]. https://kprf.ru/rus_soc/56855.html (дата обращения: 11.05.2026).

[2] Олейник, А. Н. (2002). *Институциональная экономика*. Москва: ИНФРА–М, 415.

констатировать, в частности, что не оправдал себя выбор ускоренного развития нанотехнологий в качестве приоритетного направления. К тому же маргинальные (на фоне мировых трендов) идеи могут стать обоснованием для масштабных экспериментов, а затем основой долгосрочного развития, тогда как появление новых замещающих технологий рискует остаться «незапланированным».

Ориентация на прошлый опыт предполагает акцентирование исключительной, первостепенной роли государства. В настоящее время данный тезис подкрепляется отсылками к мировой практике: «активное включение государства в регулирование процесса научно-технологического развития, что по сути является общемировой тенденцией» (Ленчук, 2024, с. 443). В обоснование приводятся выводы Марианы Маццукато (г. р. 1968), экономиста с двойным итало-американским гражданством, профессора экономики инноваций и общественной ценности Университетского колледжа в Лондоне, основательницы и директора Института инноваций и общественных целей (IIPP). М. Маццукато оспаривает принятые на Западе представления о соотношении государственной и иной поддержки инновационных проектов и считает, что государство должно активно стимулировать их через прямое инвестирование и через управление самим процессом научно-технического развития, и даже его формирование (Маццукато, 2023). Взгляды М. Маццукато вряд ли соответствуют мейнстриму, но главное, ее утверждения не совсем согласуются с мировыми трендами: возрастают роль и доля в финансировании технологического прогресса частного сектора, который, например, в США всё чаще становится главным инициатором и инвестором стратегических проектов государственной значимости. Достаточно упомянуть в этой связи космическую программу И. Маска.

В России доля государства в общих расходах на НИОКР всегда была намного выше, чем в других странах: в 2018 г. она составила 67,0 % (в 2010 г. — 70,3 %). К числу стран с наименьшим удельным весом государства в расходах на науку и исследования можно отнести, в частности, Японию — 15,0 % (2017 г.) и Китай — 19,8 % (2017 г.). Из стран с высоким уровнем инновационного развития самая высокая доля государства в этих расходах отмечалась у Италии — 35,2 %[1]. Доля предпринимательского сектора в финансировании НИОКР у России была тогда наименьшая — 29,5 % (под средствами предпринимательского сектора здесь понимаются ассигнования частных фирм, компаний смешанной формы собственности, а также крупных государственных корпораций). Доля же собственно частного предпринимательского сектора в России совсем невелика: в 2017 г. она составила лишь около 14 %. Можно с большой вероятностью предположить, что сложившиеся на указанный период времени пропорции вряд ли существенно изменились. Во всяком случае, публиковавшиеся и прежде, и позднее исследования российских авторов подтверждают факт исключительно российской специфики — доминирования государства во всех сферах обеспечения НТП, в частности, преобладания государственного (бюджетного) финансирования научных и технико-технологических проектов в России (см., например, Вологова, 2025, с. 17–46).

При этом в условиях рыночной трансформации и перехода на новую модель экономического развития обнаружилось, что бизнес, скорее, не предрасположен к разработке и самостоятельному освоению новых технологий и созданию соб-

[1] Ратай, Т. В., Мартынова, С. В. (2019, 28 ноября). *Источники финансирования исследований и разработок: 2018*. [Электронный ресурс]. https://issek.hse.ru/data/2019/11/28/1519334705/NTI_N152_28112019.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

ственной технологической базы, предпочитая заимствование за рубежом через реализацию совместных кооперационных проектов, либо просто по импорту. В 2010 г. Президент РФ Д. А. Медведев поставил перед крупными компаниями задачу — заняться поддержкой и внедрением инноваций в обмен на поддержку и помощь со стороны государства[1]. В том же году была принята Программа инновационного развития в целях «содействия развитию новых технологий и инновационных продуктов», на которые могли быть направлены инвестиции от государства. Получателями средств стали, однако, в первую очередь компании с госучастием: первоначально их число составило 47 структур, в 2016 г. их число возросло до 57 (Вологова, 2025, с. 12). Поскольку государственные компании и компании с госучастием имеют безусловный приоритет при получении поддержки от государства, то слабое участие частных компаний в инновационном развитии страны (на них в 2017 г. приходилось около 14 % всех средств, потраченных на НИОКР (Цедилин, 2021, с. 148)), становится вполне объяснимым. Тем не менее обозначилась проблема вовлечения частных компаний в инновационный процесс и даже «принуждения к инновациям» (Ващенко, 2010).

3. Рентабельность проектов импортозамещения: теоретические и практические аспекты

Проблематику обеспечения экономического / технологического суверенитета, равно как и тесно связанную с этим проблематику импортозамещения не приходится считать актуальными направлениями в зарубежной экономической науке. Один из немногих авторов, опубликовавших работы по тематике экономического суверенитета[2], — французский исследователь-институционалист Ж. Сапир — отмечает, что экономисты-неоклассики рассматривают экономический суверенитет (*государства — Л. Ц.*) как фактор вмешательства в оптимизационный процесс и считают концепцию ЭС бессмысленной и устаревшей (Сапир, 2020, с. 5). В неоклассической теории как наиболее последовательно отстаивающей парадигму рыночной экономики «проблема национального экономического суверенитета и национальных интересов находится за скобками предмета исследования» (Пороховский, 2023, с. 10).

На Ж. Сапира ссылаются сторонники стратегического планирования и использования госпрограмм в качестве главных инструментов обеспечения национального технологического суверенитета — Сапир в своей работе «Экономическое планирование: ренессанс забытой практики и возможности для России» заявляет: «Вопрос экономического суверенитета в настоящее время стал центральной проблемой для многих стран, и рыночные механизмы не могут дать удовлетворительного ответа на вопрос, как его достичь» (Сапир, 2023, с. 58). Объяснение неспособности рыночного подхода удовлетворительно решить проблему обеспечения экономического / технологического суверенитета, видимо, надо искать в его более ранней работе, где он говорит о конфликтах, возникающих в процессе формирования указанного суверенитета и прежде всего конфликта между фирмами и государством (Сапир, 2020). Принципиально важно в контексте вопроса о конфликтах

[1] Шишкунова, Е. (2010, 12 февраля). Принуждение к инновациям. *Известия*. [Электронный ресурс]. https://iz.ru/news/358370 (дата обращения: 11.05.2026).

[2] Рассмотрение технологического и экономического суверенитета в едином смысловом контексте представляется допустимым в силу того, что и высокотехнологичные продукты, и сами передовые технологии являются таким же товаром в мировой торговле, как и те же энергоносители, и на технологический трансферт также распространяется сфера рыночных отношений.

(*прежде всего конфликте интересов — Л. Ц.*) то, что целью государственной политики экономического / технологического суверенитета является в первую очередь обеспечение независимости от внешних источников получения продуктов / технологий. «Суверенитет означает независимость, и применительно к технологиям она должна касаться именно этой области, то есть состоять в создании своих способов производства (технологий), а не в закупке их по импорту» (Сухарев, 2024, с. 49). Де-факто подобное требование предполагает отказ от международной кооперации, в первую очередь с недружественными странами на стадии как ОКР, так и собственно производства технологичных продуктов. Однако для всякой фирмы приоритетом было и остается получение прибыли, тогда как кооперация, причем с равными им и готовыми сотрудничать партнерами-фирмами, а не с государствами, рассматривается как средство повышения эффективности и оптимизации хозяйственной деятельности в целях максимизации прибыли. Несовпадение интересов государства и фирмы как автономной хозяйственной единицы, по всей видимости, и является причиной того, что предпочтение при решении задачи обеспечения суверенитета отдается государственному сектору — госкомпаниям и компаниям с госучастием. Однако конфликт между государственными интересами, формулируемыми властью, и коммерческими интересами акторов рыночных отношений сохраняет свою силу и для компаний с госучастием. Такого рода противоречия снимаются в рамках административно-командной системы путем отдачи распоряжения органом государственной хозяйственной власти, а в случае рыночной экономики посредством заключения сделки между фирмами и государством: будь то закупка по госзаказу и / или через субсидирование недостаточно рентабельной для компании хозяйственной деятельности. Иными словами, используется бюджетное финансирование и выделение государственных средств госкомпании (компании с госучастием), что, видимо, представляется для органа государственной власти более предпочтительным. Следует отметить, однако, что в условиях бюджетного дефицита, особенно его нарастания, практика решения задач обеспечения суверенитета при необходимости одновременно решать другие задачи стратегического значения становится всё более обременительной и всё менее приемлемой в конкретных случаях.

От советского периода обеспечения НТП современная технико-технологическая политика унаследовала также весьма противоречивое в своем генезисе явление: ориентирование на получение преимущества в системном соревновании, т. е. высших достижений, которое, как правило, не удается сочетать с обеспечением коммерческого успеха. Тиражирование достижений удавалось далеко не всегда из-за того, что еще на стадии ОКР коммерческий успех продукта определенно не был (и не является зачастую и в настоящее время) определяющим приоритетом. В результате односторонней ориентации на технико-технологические характеристики продукта и недооценки его коммерческих перспектив (продажа на рынке по ценам выше себестоимости) возникает проблема обеспечения рентабельности инновации и даже просто окупаемости затрат. Выделенные на НИОКР и последующие стадии проекта бюджетные средства нередко осваиваются без учета обеспечения их реальной окупаемости. Однако на практике у получателя госзаказа стоит задача не столько обеспечения коммерческого успеха, сколько предоставления удовлетворительного отчета о реализации соответствующего этапа проекта. В ряде случаев бывает достаточно предоставления в ведомство отчета о том, что средства истрачены на цели, указанные в задании.

Отчет о целевом использовании выделенных средств может быть обоснован с помощью использования такого инструмента, как создание на основе этих средств материальных и нематериальных активов (Вологова, 2025, с. 23–45). Считается, что осуществляющие НИОКР и получившие госфинансирование компании могут показывать в отчетности эти затраты как активы, внедренные в производство, так и в виде нематериальных активов — патентов, товарных знаков, лицензий и других «результатов исследований и разработок». Результаты исследований и разработок, считающиеся в активах компании положительными, зависят при этом не от цен реализации на свободном рынке, а от оценки соответствующих ведомств.

Такого рода отчетность, базирующаяся на зачтении затрат в активы и на оценках, а не на коммерческих результатах, позволяет формально обосновать практически любой объём затрат на реализацию проекта. Определяющее значение при этом приобретает презентация проекта как чрезвычайно важного для обеспечения государственных интересов и представление полученных результатов как уникальных и особенно значимых для страны. Сами по себе эти достижения уже могут служить оправданием произведенных затрат вне зависимости от возможности их окупаемости. Понятно, что подобная система обоснования издержек и отчетности имеет мало общего с расчетом действительной рентабельности проекта и оценки его окупаемости. Более того, она предрасполагает даже к рентоориентированному поведению: компания стремится к получению госзаказа в расчете на то, что отчитаться за его выполнение можно будет технико-технологическими «достижениями», а не коммерческими результатами. Также выгодным становится и активное лоббирование проектов с покрытием за счет бюджетного финансирования.

Между тем обоснование (расчет) рентабельности на основе сопоставления затрат на реализацию конкурирующих проектов по импортозамещению не представляется чрезмерно сложным. Можно было бы предложить в качестве «методической заготовки» просто соизмерение затрат на импорт (в т. ч. «параллельный» импорт) с учетом всех возможных переплат на посредничество и прочих связанных с этим расходов и затрат на собственное производство соответствующего продукта (1):

$$\Sigma izn \geq \Sigma pzn, \quad (1)$$

где Σizn — сумма затрат в среднесрочный период *n* на получение продукта *z* по прямому импорту или по импорту в обход санкций; Σpzn — сумма приведенных затрат в среднесрочный промежуток времени *n* на проведение ОКР и налаживание замещающего промышленного производства продукта *z*.

Понятно, что в экономическом измерении проект по импортозамещению может считаться состоявшимся, если продукт, полученный в результате импортозамещения, не только не уступает замещаемому по потребительским свойствам, но и по меньшей мере не уступает по соотношению «цена – качество». Соответственно, затраты на производство отечественного продукта должны быть не выше затрат на импорт зарубежного, что и отражает приведенная выше несложная формула.

На практике обеспечение соответствия предлагаемому требованию представляется весьма сложной, если вообще выполнимой задачей, поскольку при выполнении требований прежде всего экономического характера приходится сталкиваться с серьезными ограничениями, связанными как с приспособлением

к режиму санкций, так и с внутренними требованиями обеспечения независимости от внешнего влияния. Можно выделить три группы такого рода ограничений:

— ограничения по обеспечению необходимого уровня конкурентоспособности продукта. Во всех случаях замещения импорта продукта приходится соревноваться с фирмами (и их продуктами), не защищаемыми от внешней конкуренции, а наоборот, функционирующими в условиях жёсткой международной конкуренции по эффективности. Замещающие импорт отечественные продукты, начиная со стадии проведения ОКР, производятся в условиях ограничения внешнего конкурентного давления, что не может не сказаться на возможности конкурировать по рентабельности. К тому же на стадии собственно производства требуется использование либо такого же оборудования, на котором производится замещаемый продукт, либо оборудования, не уступающего по производительности;

— ограничения по международной кооперации. Производство практически всех высокотехнологичных продуктов в настоящее время невозможно без включения в контекст глобальной специализации и кооперации с использованием преимуществ международного разделения труда, что в свою очередь предполагает создание разнообразных кооперационных взаимозависимостей. Кооперация же предполагает как отказ от недостаточно профильных для данного направления производств, так и сосредоточение на наиболее перспективных в рамках международной специализации направлениях, по которым страна / отрасль / фирма обладают конкурентными преимуществами. Крупнейшая голландская компания по производству электронных компонентов ASML производит только 15 % компонентов самостоятельно, но и это дает ей возможность контролировать и координировать обширные цепочки поставок, а вместе с этим и производство своих кооперантов[1]. Опора исключительно или преимущественно на собственное производство, чтобы не зависеть от субпоставок в условиях разветвленной научной и производственной кооперации, не может не привести к удорожанию конечного продукта и поражению в конкуренции по эффективности;

— изготовление высокотехнологичных изделий и компонентов в рамках международной кооперации / специализации предполагает экспортную ориентацию их производства в масштабах, позволяющих не только покрывать издержки, но и обеспечивать извлечение прибыли. Соответственно, только международное масштабирование производства, выходящее в большинстве случаев далеко за рамки национального рынка (исключение, наверное, представляют национальные рынки Индии и Китая), — единственно возможное средство обеспечения рентабельности и эффективности самого процесса изготовления продукта. Масштабирование же производства в свою очередь предполагает расширение за пределы внутренних потребностей и вступление в конкурентную борьбу на международных рынках в силу ограниченности внутреннего спроса. При этом продукты, производимые в рамках импортозамещения в целях обеспечения независимости от влияния извне, в большинстве случаев не удаётся вывести на внешние рынки.

В конечном итоге указанные ограничения, неминуемо возникающие при замещении импорта внутренним производством, не могут не сказаться на издержках и, соответственно, на обоснованности (и целесообразности) замещающих произ-

[1] Самиев, Т. (2024, 12 февраля). Полупроводниковая монополия: как одна голландская компания держит под контролем мировую индустрию микросхем. *Хабр*. [Электронный ресурс]. https://habr.com/ru/companies/timeweb/articles/787000/ (дата обращения: 11.05.2026).

водств. Тем более что, как показывает мировой опыт внешнеторговых операций, ориентацию на импорт соответствующего продукта не может отменить даже возникновение временного дефицита.

4. Альтернативы

На примере одной весьма технологичной и инновационной во многих отношениях фармацевтической отрасли представляется возможным рассмотреть и сопоставить два подхода к решению задач обеспечения технологического суверенитета, в особенности импортозамещения, с одной стороны, на основе выделения и освоения бюджетных средств; с другой — с помощью механизмов рыночной координации. Хотя на фармацевтику изначально санкционные ограничения не распространялись, поскольку формально санкции не должны касаться поставок лекарственных средств и медицинского оборудования, отрасль, однако, затронули ограничения в ряде других сфер. Так, В.В. Доржиева выделяет: «Возросла неопределенность относительно цепочек поставок фармацевтической продукции и компонентов для ее производства, а также оборудования и материалов для его обслуживания, приостановлена деятельность зарубежных компаний по развитию и инвестированию уже реализуемых в России проектов». Тем не менее «российский фармпром показал свою способность в кратчайшие сроки создавать и производить новую инновационную лекарственную продукцию и вакцины» (Доржиева, 2022, с. 69–70).

Примером «отрицательной результативности» подхода, основанного на постановке государственной задачи и выделении под ее решение государственных средств, может служить история создания российского аналога зарубежного препарата «Виагра». В 2016 г. началась реализация проекта по производству лекарства из мускуса оленя кабарги. Некоторые специалисты считали идею сомнительной, поскольку высокую эффективность уже доказали препараты на принципиально иной основе, т. е. полученные в результате химического синтеза. Тем не менее бюджетные средства были выделены, в значительной степени освоены (в т. ч. на возведение научного центра и строительство питомника), в общей сложности было потрачено более 1 млрд руб. Затем научный центр изменил план проекта и вместо лекарственного препарата решил разрабатывать БАДы. Таким образом, бюджетные средства были потрачены, заявленные цели не достигнуты, целесообразность самого проекта доказана не была[1]. Опубликованная информация Счетной палаты, вскрывшей нарушения, не позволяет судить о том, насколько проект был предварительно экономически обоснован, и был ли он вообще рентабельным. Как и во многих схожих случаях, решающую роль сыграли лоббистские возможности инициаторов проекта, а также возможность пренебречь риском неокупаемости проекта в целом, поскольку финансовый риск в данном случае приходился на бюджетные средства.

В сфере производства лекарственных средств, однако, накоплен определенно положительный опыт подхода к импортозамещению в расчете на коммерческий успех, позволяющий не только окупать затраты, но и извлекать прибыль от реализации проектов, и не предполагающий к тому же привлечения бюджетных средств. Речь идет о так называемых дженериках — субститутах оригинальных препаратов, имеющих равноценный количественный и качественный состав

[1] РЕН.ТВ. (2026, 15 января). *Нулевой эффект: на русскую виагру вхолостую потратили 10 лет и миллиард рублей*. [Электронный ресурс]. https://ren.tv/news/v-rossii/1397875-nulevoi-effekt-na-russkuiu-viagru-vkholostuiu-potratili-10-let-i-milliard-rublei. (дата обращения: 11.05.2026).

и ту же, что у оригинала, форму выпуска (отличаться могут название и вспомогательные компоненты). При этом дженерик появляется на рынке и пользуется спросом потому, что обладает теми же или сопоставимыми потребительскими свойствами, т. е. оказывает на организм такое же воздействие, что и оригинал, но стоит, по разным оценкам, на 30–60 % дешевле[1]. Такая разница между ценой оригинала и аналога в случае с дженериками объясняется тем, что компании, производящие аналоги, не тратятся на разработку формулы препарата, а пользуются готовой формулой, полученной производителем оригинала, как правило, после истечения срока патентной защиты. При этом оценка биологической эквивалентности субститута обходится в разы дешевле проведения полного цикла первичных исследований. На примере дженериков можно с большой долей уверенности утверждать, что экономия на издержках, прежде всего, первой фазы научно-производственного цикла, представляется одной из важнейших составляющих коммерческого успеха рыночного подхода к импортозамещению высокотехнологичного продукта.

По оценкам исследовательской компании DSM Group, к 2026 г. доля дженериков на российском рынке вырастет до 69,3 %. Объем самого рынка при этом увеличится с 2,9 трлн руб. в 2023 г. до 4,1 трлн руб. в 2026 г. На мировом рынке наблюдаются аналогичные тенденции: по прогнозам Precedence Research, мировое производство дженериков будет расти со среднегодовым темпом роста в 5 % в период с 2026 по 2035 г. Основными потребителями дженериков являются пациенты с кардиологическими и гастроэнтерологическими заболеваниями[2].

Российские исследователи проблематики технологического суверенитета не могли не обратить внимание на феномен Китая, которому удается не только наверстывать упущенное в технологическом соревновании с развитыми странами, но и выйти вперед по целому ряду наиболее перспективных направлений (Ленчук, 2023; Цедилин, 2025).

Китайские компании развивают связи, в т. ч. кооперационные, не со странами, а с фирмами, и руководствуются не политическими предпочтениями, а исключительно соображениями выгодности этих связей. Жесткий прагматизм, нацеленность прежде всего на коммерческий успех отмечают все зарубежные партнеры компаний из Китая.

Наиболее впечатляющих успехов в области технико-технологического развития Китай добился, как теперь стало очевидным, в сфере производства автомобилей и электромобилей, став мировым рекордсменом как по объему их выпуска (свыше 31 млн авто в 2024 г.), так и по валовому экспорту (5,86 млн шт. в 2024 г.), тогда как еще в начале века Китай был нетто-импортером легковых автомобилей. Важно то, что произошло это всё же не благодаря реализации технологических и производственных программ «полного цикла», не на основе исключительно собственных технико-технологических наработок, а благодаря приобретению, совершенствованию технологий и тиражированию зарубежных, главным образом европейских и японских компаний. Китайские производители комбинировали

[1] Гуленков, А. (2026, 16 марта). Дженерики — что такое простыми словами и 5 отличий от оригинальных препаратов. *Магнит Аптека*. [Электронный ресурс]. https://apteka.magnit.ru/articles/204-chto-takoe-dzheneriki (дата обращения: 11.05.2026).

[2] Воробьева, Е. (2026, 28 апреля). Целительное замещение. К 2030 году дженерики займут в РФ доминирующую долю рынка. *Коммерсант*. [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/8623566 (дата обращения: 11.05.2026).

заимствованные технологические решения при производстве узлов и агрегатов и получали конечный продукт уже китайского производства. Вполне допустимо считать, что китайские разработчики и производители использовали описанную выше бизнес-стратегию, применяемую в фармацевтической отрасли при производстве дженериков: обеспечение рентабельности за счет экономии на издержках первой стадии «полного цикла» через прагматичное внедрение заимствований, т. е. уже состоявшихся технологических решений.

Приведенные примеры, однако, не опровергают и не ставят под сомнение первостепенную значимость подхода к решению задач импортозамещения, базирующегося на оказании государственной поддержки. Как показывает мировой опыт, оптимизация и достижение более высокой эффективности данного подхода возможны на основе проведения современной промышленной политики, в некотором смысле альтернативной прежнему подходу в теоретическом и практическом выражении.

5. Промышленная политика поддержки высокотехнологичных отраслей

Обеспечение технологического суверенитета в большинстве российских исследований рассматривается в контексте проведения активной промышленной политики (ПП) с использованием соответствующего инструментария. Причем собственно промышленная политика понимается главным образом как меры господдержки, осуществляемые в целях опережающего развития наиболее перспективных промышленных отраслей, имеющих определяющее значение для развития высоких технологий и экономики в целом. «Импортозамещающая промышленная политика ориентируется на стимулирование изменения отраслевой структуры экономики таким образом, чтобы государство получало преимущество в производстве современной высокотехнологичной продукции, товаров с высокой добавленной стоимостью и в обозримой перспективе — со значимым экспортным потенциалом» (Доржиева, 2022, с. 76).

Экономическая практика, равно как и современная теория, предполагает множество подходов и вариантов проведения ПП в зависимости, прежде всего, от понимания роли государства в экономике.

Сторонники неоклассического подхода, как известно, отвергают государственное вмешательство с целью коррекции рыночных тенденций и считают, что эффективный рынок не нуждается в государственном регулировании. Противники рыночного фундаментализма, указывая на неизбежность разного рода «провалов рынка» (возникновение проблем координации, появление экстерналий и проч.), говорят о необходимости государственного вмешательства и селективного стимулирования развития отдельных секторов. К числу главных инструментов такой политики относят субсидии, предоставление разного рода льгот и преимуществ, меры протекционистского характера, преимущественное ресурсное обеспечение и пр.

В настоящее время и адепты промышленной политики, и сторонники скептического к ней отношения очень хорошо знакомы с аргументами сторон, и во многих исследованиях прослеживается поиск если не компромисса, то паллиатива, хотя взгляды сторон принципиально существенно не сближаются. Критики селективной промышленной политики Г. Пак и К. Сагги не отрицают возможности ее эффективного проведения, но считают, что государство должно быть способно идентифицировать отрасли с долгосрочными сравнительными преимуществами, определять фирмы и отрасли, генерирующие эффекты перетока знаний

(*knowledge spillovers*), оценивать характер и масштаб несовершенств рынков капитала, а также прогнозировать, какие фирмы способны создавать новые знания и открывать более эффективные методы производства (Pack & Saggi, 2006, p. 281–282). Но всегда ли государство способно и готово к подобной селекции? Авторы к тому же считают, что существующие эмпирические исследования не позволяют прийти к однозначному выводу о наличии устойчивого положительного влияния селективной государственной поддержки на показатели производительности и долгосрочные темпы экономического роста (Ibid., p. 283).

Прагматичной и в известной мере компромиссной представляется позиция Дж. Стиглица и Д. Родрика, переводящих дискуссию в плоскость анализа условий и институтов, благоприятствующих преодолению неэффективных равновесий и создающих предпосылки для устойчивого развития. Дж. Стиглиц указывает на необходимость «признавать как сильные стороны и ограничения рынков, так и сильные и слабые стороны государственного вмешательства, направленного на исправление провалов рынка» (Stiglitz, 1989, p. 202). По мнению Д. Родрика, дискуссия должна быть сосредоточена не на вопросе о том, следует ли проводить промышленную политику, а на вопросе, каким образом её следует осуществлять, поскольку традиционные информационные и бюрократические ограничения не являются неизменными константами и могут быть смягчены посредством надлежащего институционального оформления (Rodrik, 2009, p. 3).

Важно отметить, что в развитых экономиках главным направлением промышленной политики становится поддержка именно высокотехнологичных отраслей. Современные исследования подтверждают сформировавшуюся закономерность: развитые страны чаще поддерживают секторы с высокой технологической сложностью, а экономики с формирующимся рынком больше склоняются к помощи менее сложным, но системообразующим отраслям (Симачев, Федюнина, 2025).

В контексте настоящего исследования практически важным представляется рассмотреть, какие формы промышленной политики, а также какие ее инструменты оптимальны для осуществления технологических прорывов и достижения на этой основе значимых экономических эффектов. В совместном исследовании российских и немецких авторов, проанализировавших опыт экономической и промышленной политики Баварии[1], были даны в целом научно-практические рекомендации, не утратившие, как представляется, своей актуальности применительно к решению задачи обеспечения технологического суверенитета. В тезисной форме выводы исследования сводятся к следующим положениям (Гринберг и др., 2008, с. 6–15).

1. Подходы и методы промышленной политики, зарекомендовавшие себя в Баварии на протяжении десятилетий, схематично можно подразделить на меры горизонтальной политики, охватывающие большинство секторов, и меры выборочной, секторальной политики. Меры горизонтальной политики в настоящее время доминируют.

2. Поощрение конкуренции является важнейшей предпосылкой экономической политики в целом. Промышленная политика без конкурентной и антимонопольной составляющих не может привести к положительным результатам.

[1] Бавария считается одним из самых развитых в экономическом и социальном отношении регионов не только Германии, но и Европы в целом. Важным аспектом баварской промышленной политики является высокоэффективное сочетание региональной и инновационной политики, создание и успешное функционирование научно-производственных структур — кластеров.

3. Активность государства в экономике может быть оправдана лишь в тех случаях, когда рынок не способен частично или полностью выполнять в отдельных сферах свои функции.

4. Государство вмешивается в соответствующие сферы при проведении НИОКР лишь при возникновении существенных проблем, регулируя, например, использование патентов или напрямую исследовательскую деятельность. Государственное содействие оказывается в тех сферах, где возможно возникновение позитивных внешних эффектов, например, в процессе образования и обучения.

5. Каждому случаю применения мер промышленной политики должен обязательно предшествовать точный экономический анализ, предполагающий получение доказательств необходимости мер ПП.

6. В случае проведения активной технологической политики выбор мер требует глубокого знания технологического ландшафта, идентификации трендов технологического развития, что в свою очередь предполагает работу непосредственно с компаниями и изучение тенденций на внешних рынках.

7. Особые проблемы вызывает длительное участие государственных компаний в рыночном процессе. Опыт Баварии, как и многих зарубежных стран, показывает, что госпредприятия не стремятся к повышению конкурентоспособности в той же мере, что и частные фирмы.

8. В Баварии всегда придерживались того правила, что бюджет региона / страны не должен страдать от мер промышленной политики, поскольку рост задолженности госбюджета грозит негативными последствиями для экономики в целом. Если меры ПП сопровождаются предоставлением финансовых средств, то получатель субсидий должен хотя бы частично участвовать в финансировании и нести расходы.

9. В целом концентрация на горизонтальных, профильных решениях — создание инфраструктуры, поддержка исследований и разработок, равно как и малого и среднего бизнеса, приводит к лучшим результатам, чем политика секторальная.

6. Заключение

Достижение технологического суверенитета в условиях перманентного ужесточения санкционного режима является задачей стратегической значимости и непосредственно связано с обеспечением национальной безопасности, элиминированием угроз технологического отставания и обусловленного им снижения конкурентоспособности национальной экономики. Решение этой политической и военно-политической задачи предполагает, однако, задействование экономических подходов и решений: мобилизацию материальных ресурсов, инвестиции человеческого капитала, образование новых и перераспределение имеющихся финансовых потоков. Результативность этих усилий и затрат не может быть «вынесена за скобки» при рассмотрении экономической составляющей решения указанной задачи. Придаваемый ей подчас особый, даже сакральный смысл не позволяет обходить вниманием ее экономическое обоснование, которого, как видится, определенно недостает в ряде исследований и предлагаемых на их основе рекомендаций. Экономический аспект, т. е. сопоставление затрат и результатов, тем более важен в контексте требования экономии бюджетных средств в целях сокращения дефицита на федеральном и региональном уровнях.

Технико-технологические аргументы в пользу замещения импорта соответствующих продуктов / технологий должны обязательно подкрепляться расчетами

эффективности этого замещения. Качественный и количественный экономический анализ в обоснование субституции должен предшествовать рассмотрению всех возможных альтернативных вариантов замены импорта — отечественное производство с проведением предварительного конкурсного отбора возможных продуцентов, импорт из дружественных стран, использование схем непрямого импорта. В любом случае задача эффективного использования средств должна быть не менее релевантной в сравнении с задачей достижения технико-технологических показателей. Нельзя не принимать в расчет стремление бизнеса, особенно «государственного» бизнеса, использовать инструменты и механизмы промышленной, в частности, технологической политики в своих интересах (рентоориентированное поведение).

Исследование проблематики технологического суверенитета и импортозамещения предполагает рассмотрение и теоретических аспектов. Речь идет о некоторых «ракурсах» институционализма, теории «полного цикла», но прежде всего о современном понимании промышленной политики, совершенствовании ее методологии и инструментария. Важнейшим, в т. ч. применительно к инновационной и технологической политике, представляется в этой связи вывод об обязательном сочетании ее с конкурентной политикой.

В конечном итоге, если решение стратегической задачи обеспечения технологического суверенитета затрагивает сферу экономики, оно не может обойтись без экономического обоснования.

Список источников

Афанасьев, А. А. (2023). Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы. *Вопросы инновационной экономики*, *13*(2), 689–706. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375

Ващенко, В. П. (2010). От «внедрения» до «осознания» и «принуждения»: об инновациях и их производных. *Управление наукой и наукометрия*, *5*(1), 93–103.

Вологова, Ю. В. (2025). *Программы инновационного развития: опыт реализации и новые приоритеты в политике технологического суверенитета*. Москва: Институт экономики РАН, 66.

Вологова, Ю. В. (2026). Программы инновационного развития госкомпаний в формировании национальной инновационной системы России. *AlterEconomics*, *23*(1), 190–209. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.11

Гринберг, Р. С., Кноглер, М., Цедилин, Л. И. (2008). *Экономическая и промышленная политика Баварии: уроки для российских регионов*. Москва: Институт современного развития, 99.

Доржиева, В. В. (2022). Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху. *Вестник Института Экономики*, (6) 68–78. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_68_78

Капогузов, Е. А., Шерешева, М. Ю. (2024). От импортозамещения к технологическому суверенитету: содержание дискурса и возможности нарративного анализа. *Terra Economicus*, *22*(3), 128–142. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142

Ленчук, Е. Б. (2023). Технологическая модернизация как основа антисанкционной политики. *Проблемы прогнозирования*, (4(199)), 54–66. https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-54-66

Ленчук, Е. Б. (2024). Стратегическое планирование как инструмент обеспечения технологического суверенитета. *Научные труды Вольного экономического общества России*, *248*(4), 441–451. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-441-451

Ленчук, Е. Б., Филатов, В. И. (2023). Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации. Вестник Института экономики Российской академии наук, (4), 7–24. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24

Маццукато, М. (2023). *Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе*. (Пер. с англ. М. Добряковой). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 360.

Полтерович, В. М. (2022). Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада. *Журнал Новой экономической ассоциации*, (3(55)), 238–244. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-17

Пороховский, А. А. (2023). Экономический суверенитет России: проблемы становления и обеспечения. *Экономическое возрождение России*, (3(77)), 10–15. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15

Сапир, Ж. (2020). Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации. *Проблемы прогнозирования*, (2(179)), 3–12.

Сапир, Ж. (2023, 23 января). Экономическое планирование: ренессанс забытой практики и возможности для России. *Монокль*, (4(1282)), 58–63.

Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А. (2025). Приоритеты и инструменты современной промышленной политики: субсидии для сложной экономики. *Вопросы экономики*, (8), 5–25. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-5-25

Сухарев, О. С. (2024). Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «экономика знаний». *Вестник Института экономики Российской академии наук*, (1), 47–64. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_47_64

Тен, А. Д. (2026). Технологический суверенитет как системное свойство и условие устойчивого развития АПК. *AlterEconomics*, *23*(1), 162–189. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.10

Цедилин, Л. И. (2021). Финансирование науки в России и Германии: сопоставление двух подходов и результатов их применения. *Вопросы экономики*, (2), 147–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-147-160

Цедилин, Л. И. (2024). Экономический суверенитет: понимание и обоснование в соответствии с новыми реалиями. *Вопросы теоретической экономики*, (2), 19–29. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29

Цедилин, Л. И. (2025). Сравнительный анализ моделей импортозамещения в технологической сфере. *AlterEconomics*, *22*(4), 737–752. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.10

Pack, H., & Saggi, K. (2006). Is there a case for industrial policy? A critical survey. *The World Bank Research Observer*, *21*(2), 267–297. https://doi.org/10.1093/wbro/lkl001

Rodrik, D. (2009). Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How. *Middle East Development Journal*, *1*(1), 1–29. https://doi.org/10.1142/S1793812009000024

Stiglitz, J. E. (1989). Markets, market failures, and development. *The American Economic Review*, *79*(2), 197–203.

References

Afanasyev, A. A. (2023). Technological sovereignty: Variant approaches. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*,*13*(2), 689–706. https://doi.org/10.18334/vinec.13.2.117375 (In Russ.)

Dorzhieva, V. V. (2022). State Policy of Import Substitution as a Factor in the Development of the Pharmaceutical Industry in Russia: Impact of Sanctions and Steps to Success. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, (6), 68–78. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_6_68_78 (In Russ.)

Grinberg, R. S., Knogler, M., & Tsedilin, L. I. (2008). *Ekonomicheskaya i promyshlennaya politika Bavarii: uroki dlya rossiyskikh regionov [Economic and Industrial Policy of Bavaria: Lessons for Russian Regions]*. Moscow: Institute of Modern Development Publ., 99. (In Russ.)

Kapoguzov, E. A., & Sheresheva, M. Y. (2024). From import substitution to technological sovereignty: Related discourse and a narrative analysis perspective. *Terra economicus*, *22*(3), 128–142. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2024-22-3-128-142 (In Russ.)

Lenchuk, E. B. (2023). Technological Modernization as a Basis for the Anti-Sanctions Policy. *Studies on Russian Economic Development*, *34*(4), 464–472. https://doi.org/10.1134/s107570072304010x

Lenchuk, E. B. (2024). Strategic Planning as a Tool for Ensuring Technological Sovereignty. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*, *248*(4), 441–451. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-441-451 (In Russ.)

Lenchuk, E. B., & Filatov, V. I. (2023). Strategic Planning as a Tool for Reducing Uncertainty in Conditions of Global Economic Transformation. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, (4), 7–24. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24 (In Russ.)

Mazzucato, M. (2023). *Predprinimatel'skoye gosudarstvo: razveyem mify o gosudarstve i chastnom sektore [The Entrepreneurial State Debunking Public vs. Private Sector Myths]*. (Translated from English by M. Dobryakova). Moscow: HSE Publishinh House, 360. (In Russ.)

Pack, H. , & Saggi, K. (2006). Is there a case for industrial policy? A critical survey. *The World Bank Research Observer*, *21*(2), 267–297. https://doi.org/10.1093/wbro/lkl001

Polterovich, V. M. (2022). Once again about where to go: Toward a development strategy in isolation from the West. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, (3(55), 238–244. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-17 (In Russ.)

Porokhovsky, A. A. (2023). Economic Sovereignty of Russia: Problems of Formation and Maintenance. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii [Economic Revival of Russia]*, (3(77)), 10–15. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-10-15 (In Russ.)

Rodrik, D. (2009). Industrial Policy: Don't Ask Why, Ask How. *Middle East Development Journal*, *1*(1), 1–29. https://doi.org/10.1142/S1793812009000024

Sapir, Ja. (2020). Basic Principles of Economic Sovereignty and the Question of the Forms of Its Exercise. *Studies on Russian Economic Development*, *31*(2), 3–12. https://doi.org/10.1134/s107570072002015x

Sapir, Ja. (2023, January 23). Economic planning: A renaissance of a forgotten practice and an opportunity for Russia. *Monokl' [Monocle]*, 58–63. (In Russ.)

Simachev, Yu. V., & Fedyunina, A. A. (2025). Priorities and instruments of modern industrial policy: Subsidies for economic complexity. *Voprosy Ekonomiki*, (8), 5–25. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-8-5-25 (In Russ.)

Stiglitz, J. E. (1989). Markets, market failures, and development. *The American Economic Review*, *79*(2), 197–203.

Sukharev, O. S. (2024). Technological Sovereignty of Russia: Formation on the Basis of the Development of the "Knowledge Economy" Sector. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, (1), 47–64. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_47_64 (In Russ.)

Ten, A. D. (2026). Technological Sovereignty as a Systemic Property and Condition for the Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. *AlterEconomics*, *23*(1), 162–189. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.10 (In Russ.)

Tsedilin, L. I. (2021). Funding of science: A comparison of approaches and outcomes in Russia and Germany. *Voprosy Ekonomiki*, (2), 147–160. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-2-147-160 (In Russ.)

Tsedilin, L. I. (2024). Economic Sovereignty: Understanding and Justification in Accordance with New Realities. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, (2), 19–29. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_19_29 (In Russ.)

Tsedilin, L. I. (2025). Comparative Analysis of Import Substitution Models in the Technological Sphere. *AlterEconomics*, *22*(4), 737–752. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.10 (In Russ.)

Vashchenko, V. P. (2010). From "implementation" to "awareness" and "coercion": On innovations and their derivatives. *Upravleniye naukoy i naukometriya [Science Governance and Scientometrics]*, *5*(1), 93–103. (In Russ.)

Vologova, Yu. V. (2025). *Programmy innovatsionnogo razvitiya: opyt realizatsii i novyye prioritety v politike tekhnologicheskogo suvereniteta [Innovative Development Programs: implementation experience and new priorities in the policy of technological sovereignty]*. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 66. (In Russ.)

Vologova, Yu. V. (2026). Innovative Development Programs for State-Owned Companies as a Tool for Developing Russia's National Innovation System. *AlterEconomics*, *23*(1), 190–209. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.11 (In Russ.)

Информация об авторах

Цедилин Леонид Иванович — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: lcedilin@yandex.ru).

About the author

Leonid I. Tsedilin — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: lcedilin@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 21.07.2026.
Прошла рецензирование: 03.08.2026.
Принято решение о публикации: 15.09.2026.
Received: 21 July 2026.
Reviewed: 03 Aug 2026.
Accepted: 15 Sep 2026.